Ван Юаньфэн был вынужден пригласить Лю Дафэна и подробно объяснил намерения Хуан Борена, чтобы тот успел подготовиться психологически.

Лю Дафэн вышел на сцену и встретился с Хуан Бореном.

Хуан Борен указал на стул рядом с собой: «Лю Дафэн, скорее присаживайтесь».

Лю Дафэн не стал садиться.

«С чем пожаловали, господин Хуан?»

Когда Ван Юаньфэн приглашал его, то выглядел смущённым и говорил с заминками. Тут Лю Дафэн снова увидел похотливую улыбку Хуан Борена и понял, что на этот раз ничего хорошего от него ждать не стоит.

Хуан Борен улыбнулся и молвил: «Я не люблю ходить вокруг да около. Дочь твоя мне только что приглянулась, и очень. Не думал, что на моём веку ещё весна цветёт.

Я намереваюсь взять твою дочь в свои наложницы. Хе-хе, станешь мне, Лю Дафэн, этаким тестем. Отныне род Лю будет жить в небывалом достатке и богатстве, зачем же землею горбатиться?»

Он говорил прямо и откровенно. Своего положения не стеснялся, а скрывать его от таких мужиков, как Лю Дафэн, нужды не было.

Лю Дафэн, хотя и рассердился, но вовремя вспомнил про его власть и унял свой гнев: «Если бы господин Хуан пришёл с этой просьбой ко мне полумесяцем ранее, я бы и пикнуть не смел. Но вот теперь дочь моя сосватана за Е в нашей деревне.

Чину. Господин Прошу простить великодушно!»

«Ха-ха…» — небрежно отмахнулся Хуан Борен. — «Что толку сватовство с каким-то деревенщиной? Выйдя за меня — господина Хуана — она будет знать никаких забот: есть вдоволь, спать тепло, до конца жизни вкушать счастье. Ко мне сколько человек наперегонки свататься приходило, а я никому не дал согласия. Да, не ценит народ своего счастья!»

Лю Дафэн твёрдо сказал: «Молодой господин Е оказал большую услугу нашей семье Лю, он и лицо дочери моей вылечил. Я, Лю Дафэн, хоть и не знатный человек, но слово своё всегда держу, со своих слов не отступлюсь!»

«Кажется, ты мне лицо давать не хочешь?» — нахмурился Хуан Борен.

Он-то полагал, что стоит ему сделать предложение, как Лю Дафэн с радостью согласится, а тот, напротив, грубо его отверг. Конечно, он очень рассердился.

Он подошёл к Лю Дафэну и угрожающе произнёс: «Знать тебе следует, что в городе Цинцюань нет ничего, чего бы не мог господин Хуан Борен, нет ничего, чего бы он не мог получить!

По-хорошему я к тебе обратился, не обессудь! А не то не обессудь!»

Лю Дафэн слегка испугался, в сердце мелькнула тень паники, но он быстро справился с собой.

Он холодно усмехнулся: «Господин Хуан, на глазах у всех, среди бела дня вы вряд ли решитесь завладеть дочерью простых людей?»

С этими словами он тряхнул рукавами и удалился.

Хуан Борен до того вскипел, что у него заскрипели зубы.

В те времена, в Великую династию Цянь, законы страны были строгими. Каким бы высоким ни было его положение, открыто и нагло завладеть дочерью простых людей он не посмеет.

Если только не убить всех жителей Сяодунпина до единого, а иначе, как только о его деяниях станет известно и дойдёт до вышестоящих, то многолетнее благоденствие рода Хуан может пойти прахом.

Раз открыто завладеть невозможно, надо действовать скрытно.

Или найти подходящий повод и заставить всех в Сяодунпине его одобрить.

Тут как раз Чжан Тяньши вывел на сцену юного даоса и объявил: «Господин Хуан, жертвоприношение совершено, можно начинать поединок».

По правилам, сейчас Хуан Борен должен был выйти и выступить с торжественной речью, а затем открыть состязание.

Но у Хуан Борена в это время мысли были в полном хаосе, и он не мог вспомнить ни слова из заготовленной им речи.

Он махнул рукой, подозвал одного из слуг и велел: «Ступай, организуй там всё, пусть начинают поединок».

Слуга кивнул, вышел на авансцену и громко крикнул: «Господин Хуан сказал: настал благоприятный час для начала поединка».

Все участвуют в сегодняшней игре добровольно. Если вы получите травму на поле, вы сами несете за это ответственность.

Согласно правилам игры, до тех пор, пока противник не будет сбит с ног, выброшен за пределы поля или не сдастся и не попросит пощады, он будет считаться проигравшим.

Хорошо, дальше, люди из Люцзятуня стоят слева, а люди из Сяодунпина справа, оставляя середину пустой».

Первоначально хаотичная толпа мгновенно разделилась на две волны и встала с обеих сторон.

Посредине образовалось большое открытое пространство.

«Первые участники с обеих сторон вступают в поединок!»

Гуанюньтун уверенно вышел на поле, сложил кулаки и сказал Лю Цзячуню: «Сяодунпин Гуанюньтун!»

Из толпы в Люцзятуне вышел мужчина лет двадцати.

Он немного выше Гуанюньтуна, но явно тоньше.

«Лю Цзядунь Лю Чуньчэн!»

Гуан Юньтун презрительно улыбнулся и сказал: «Мальчик, ты такой худой, может быть, ты не доел?»

Лю Чуньчэн улыбнулся и сказал: «Хватит болтать чепуху и давай начнем!»

Согласно правилам, двое держали друг друга за руки, прежде чем начать бороться.

Двое сражались взад и вперед на поле, были равны и было трудно определить победителя.

Деревенские жители с обеих сторон продолжали подбадривать и приветствовать, и сцена была очень оживленной.

Через полпалочки благовоний он вдруг услышал звук «ай». Лю Чуньчэн случайно споткнулся о ногу Гуанюньтуна.

Гуанюньтун, торжествуя, сжал кулаки перед всеми.

Сяодунпин в унисон приветствовал его.

«Гуанюньтун, молодец!»

«Сяодунпин победит, Гуанюньтун, давай!»

Гуанюньтун гордо улыбнулся и сказал: «Братья из семьи Ван, просто отдохните. Я, Гуанюньтун, возможно, смогу сегодня пройти таможню в одиночку!»

«Не радуйся слишком рано! Мясник семьи Лю Лю Идао здесь, чтобы спросить совета!»

Затем я увидел, как из толпы в магазине Лю вылез человек.

Когда все в Сяодунпине увидели этого человека, они сразу же замолчали.

Оказалось, что этот человек был ростом более двух метров, с полным лицом и большим животом. Он весил не менее 250 фунтов.

Он медленно вышел на поле, как темный валун, выкатившийся из толпы.

Е Цинчэнь был тайно потрясен. Играя долгое время, он не заметил этого большого парня. Не знаю, где он прятался сейчас.

Казалось, Лю Цзядунь намеренно не показывал его, надеясь застать Сяодунпина врасплох.

Это действительно чудо, что сельские жители в древности могли вырасти настолько большими.

Гуанюньтун стоял перед Лю Идао, не в силах дотянуться до чужих грудей.

«Что с этим не так?»

Его лицо внезапно побледнело.

Лю Идао крикнул: «Как насчет того, чтобы ты просто сдался?»

Лю Цзядунь рассмеялся, и все выглядели гордо.

В Сяодунпине внезапно возникло ощущение, будто взорвался котел.

«Все кончено, все кончено, откуда взялся этот толстяк Лю Идао? Я никогда не слышал, чтобы этот человек из семьи Лю прятался раньше!»

«Боюсь, что это тоже новые натурализованные люди, которые приехали из другого города!»

«О, Лю Цзядуню так повезло. Натурализован такой большой парень. Неудивительно, что сейчас они все выглядели так, словно уверены в победе».

«Да, посмотри на нового натурализованного человека в нашей деревне. Он просто ваза. Он совсем не тяжеловес».

Ван Юаньфэн видел, как Гуанюньтун ошеломлен на месте, не осмеливался сделать шаг вперед, чтобы взять ход и громко кричал:

«Гуанюньтун, разве ты не хвастался на дороге только что? Должен попробовать, не так ли?»

«Верно, может быть, он бумажный тигр. Гуанюньтун, давай сразимся с ним!»

Все приветствовали Гуанюньтуна.

У Гуанюньтуна не было выбора, кроме как стиснуть зубы и подняться.

Лю Идао схватил его за плечо. Рука Гуанюньтуна была значительно короче его, поэтому он мог только схватить Лю Идао за руку.

Как только началась борьба, Гуанюньтун начал использовать свою силу, надеясь застать своего противника врасплох, прежде чем он будет готов.

Однако ему казалось, что перед ним лежит огромный валун, и, как бы он ни старался, ему не удавалось сдвинуть его с места.

Лю Идао усмехнулся и внезапно поднял руки, подхватив Гуань Юнтуна и подняв его в воздух.

С взмахом руки Гуань Юнтун отлетел на десяток футов и с глухим стуком упал на землю.

«А-а!»

Гуань Юнтун закричал, его лицо побагровело, и он с трудом поднялся. Одна его рука безвольно висела вдоль тела и раскачивалась. Очевидно, она была сломана.

«Отец!»

Гуань Сяотун рядом с Е Цинчэнем тихо заплакала. Хотя она и ненавидела его, но он все-таки был ее родным отцом.

К Гуань Юнтуну подбежали два сельчанина и помогли ему сесть. Гуань Юнтун уже истекал потом от боли и почти упал в обморок.

Лю Цзядун громко рассмеялся.

В Сяодунпине раздались голошения и вздохи.

Лю Идао высокомерно рявкнул: «Кто еще посмеет выйти?»

http://tl.rulate.ru/book/105790/3758759